

Рассказ «Непроданная память» посвящен памяти деда, участника Великой Отечественной войны. Автор Татьяна Масленникова - член Российского Союза профессиональных литераторов, дипломант открытого городского литературного конкурса «Любовь моя - Курган» в честь 340-летия города в номинации «Проза».

Чугаев Михаил Иванович (на снимке в центре) был призван на войну в 1941 году из села Каменка, Боровского района, Кустанайской области. Он прошел всю войну в кавалерийском корпусе, имел боевые награды. Умер в 1974 году, похоронен с воинскими почестями в деревне Чалкино Целинного района Курганской области, где жил с семьей после возвращения с фронта. После смерти солдата часть наград переданы в Комнату Боевой славы в с. Михалёво.

Непроданная память **/ очерк /**

Посвящается деду
Н.М. Чугаеву

В моей многочисленной родне нет такого человека, который не вспоминал бы деда Чугуя добрым словом. Мой отец, его братья и сестры звали его ласково «тятя». Тридцать лет прошло, как нет с нами деда, но память детская цепкая, и я четко помню его образ: среднего роста, щупловатый, с живыми карими открытыми глазами.

Вот он сидит вместе с бабой Катей после обеда на крылечке, в тенечке и читает газету, поглядывая поверх больших очков на нас. Мы с Зинкой и Любой ползаем по просторному уютному двору, изучаем траву и поедаем «калачики».

Вот он, сурово поглядывая в мою сторону, грозит пальцем, но мне совсем нестрашно, потому что я городская внучка, единственная дочка своего папы, а двоюродных деревенских сестер и братьев у меня так много, что я путаюсь в счете и гордо заявляю им, что меня баба с дедой любят больше и сильно ждут, когда я приеду. И я ведь не нарочно отодвинула дедову табуретку, а мне надо было пролезть на печку, и я не виновата, что он не смотрит, куда садится, и из-за этого падает.

А вот он встречает меня ночью у калитки с хворостинкой в руках, а мне неловко – я ведь уже десятиклассница – перед парнем-студентом.

- Деда, ты чего не спишь?
- Тебя жду...

Я наслаждалась встречей с ними после четырехлетней разлуки. Я знала, что они очень переживали развод моих родителей и ждали меня каждое лето, и постоянно говорили отцу, что кроме Зои, моей матери, им другой снохи не надо.

Это было летом тысяча девятьсот семьдесят третьего года. Больше я деда не видела. Осенью трагически погиб дядя Толя, младший сын, балагур и весельчак, оставив вдову с двумя малыми детьми. В феврале девяноста четвертого года не стало и деда. Не выдержало сердце старого солдата. Но он остался в каждом из нас.

Помню, с каким уважением говорил о нем мой отец. После смерти деда он хранил его орден, именные часы за храбрость в Великой Отечественной. В нашем старом бархатном семейном альбоме хранится черно-белый снимок, на нем три бравых буденновца, в центре, коренастый, с саблей мой дед.

Всю войну прошел Чугаев Михаил Иванович. От пуль не прятался, а цел и невредим остался. Видно не зря молилась за него жена.

А молилась за мужа Катерина Константиновна каждый день. Иконы от матери и бабушки помнят их дети. Они висели в избе в почетном переднем углу. Не было у Катерины Михаличенко ближе на земле человека, чем Михаил. Восьмимесячной осталась она от матери, вскоре и отец в трудармии помер.

Соседи советовали старшим братьям отдать малышку в сиротский приют, но те порешили сами растить сестренку. Вырастили, замуж отдали в большую, дружную, работающую семью. Только тогда свою судьбу устраивать начали. Петр уехал из родной Каминки в Алма-Ата, а Ваня в Кустанай. Но сестру не забывали, и письма писали, и гостинцы посылали. Сложили братья голову в войне с фашистами, могилы их неизвестны.

Перед Второй мировой войной у Михаила с Катериной уже четверо было. Тоне старшей десять было, Вале четыре года, Коле два, а Славик только родился.

Тетя Валя - моя крестная мать, которую все племянники зовут лелей, приезжая в гости, часто вспоминает детство, трудное, на картошке да молоке, но озорное и веселое. Плачет, когда рассказывает, как отца на войну провожали.

- Мы в избе играли, а мама со Славиком еще на печке после родов лежала. Видим, машина подъехала. А тятя уже поджидал ее, немного засуетился, чтоб волнение скрыть. Попрощался с мамой, с Тоней и Колей, а я, дурная, никак не дала себя поцеловать, не хотела, видно, чтоб он уезжал. Ох, и трудно нам было без тяти! Славик чуть подрос, и мама каждое лето вместе с остальными женщинами на заготовку кормов в Бородино стала уезжать. Жили они в балаганах, раз в месяц привозили их дом проведать да в бани помыться. А мы с Тоней сами хозяйничали. Днем в ясли ходили, Тоня там няней работала. И взрослым помогали, как без этого. Лесов то в Боровском районе не было почти, не зря ведь Казахстан степным называют, хоть и граничили мы с Целинным районом. Вот мы с ребятишками кизяки и талу собирали вместо дров. У речки Уй много талы росло, - она на минуту замолкала и продолжала снова.

Я внимательно слушала, боясь пропустить слово из дорогих воспоминаний.

- Видишь, метины на пальцах, крестничка дорогая? – леля показывает мне рубцы на крестьянских натруженных руках. – Это мы с твоим папкой Колей, царство ему небесное, талу рубали в детстве. Я ему по пальцам, а он мне. Конечно, нечаянно. Проревемся да снова. Мы с ним дружно жили, я его на два годка только постарше была. Как-то купила мама Коле со Славиком шляпы соломенные да лапти. Тятя еще на войне был. Положила их на полку с посудой. Тогда шкафов да сервантов не было. Коля привязался: достань, Валька, и все. А мама на заготовках была. Я взяла рогач или ухват, знаешь? Вот и уронила всю полку с гостевой посудой. Напугались мы с Колей и драть, пока Тоня не пришла. Спрятались в заброшенном доме и ревом. Как раз в этот вечер мама приехала. Посуда побита, а нас нет. Сначала понятно рассердилась она, а к вечеру заперезживала, искать нас кинулись по деревне, плачут с Тоней. Кто-то им подсказал посмотреть в заброшенном доме на краю. Вот там нас и обнаружили. Сидим, дрожим от холода и страха, как сейчас помню.

- Неужели бы сами не вышли? - спрашиваю я, смеясь.

- Нет, маму мы боялись, хоть они нас с тятей никогда и пальцем не трогали, только ругали. Но опять же без матерных слов. Коля был весь в тятю, никогда от него не слышала мата, он и младших, Славика с Толей, за это ругал.

А как мы письма с фронта ждали, всей деревней радовались солдатским треугольникам. Читали и перечитывали тятини письма. А похоронок все боялись. Летом в сорок пятом году мужики стали возвращаться. Вернулся и тятя. Зашел в

дом, а мы без мамы были. Смотрим и не узнаем, ведь пять годов не видали. Встал он у порога, шинель на плечах, полная грудь медалей, мы все примолкли. А он: «Детки, я ж ваш папка».

Глаза лели наполнились слезами, и дрогнувшим голосом она продолжала рассказ.

- Народ шел к нам весь день. Стол накрыли во дворе, все несли угощения. Коля, несмотря на жару, в тятиной шапке-ушанке носился по деревне и кричал: «Тятя вернулся. У нас тятя с войны пришел». Так до самой зимы Коля в солдатской шапке и пробегал, только на ночь и скидал ее.

Много тятя нам рассказывал про войну, про друзей своих, про свои заслуги говорил скромно, не любил хвастать, как некоторые вояки.

После тяти пришел с войны его брат Николай. На Украине дослуживал, с трофеями вернулся. Мы такого и не видали богатства: платья, платки, шали цветные – все добротное. Пришел он к нам с подарками. Отец, как увидел его гостинцы, так в глазах изменился. А мы нарядам обрадовались. Тятя все платья и платки сгреб и во двор все повыбрасывал. А брату строго сказал: «Забери все. Это людские слезы». Осуждал он мародеров. За это его все уважали.

Бабы в деревне завидовали маме, а она была такой счастливой. В сорок шестом у них Толик родился, через два года Вера. Тятя маму работать больше не отпустил, дома ей хватало забот да управы. Ведь шестеро нас было. После войны мы в Чалкино переехали. Там дед Иван с бабой Марьей Чугаевы жили. От Каменки это недалеко было. Мы бывало с ребятами утром через речку на лодке переедем, а там к вечеру и до Чалкино дойдем. Без взрослых ходили, никого не боялись, не то, что сейчас живем, - вздыхает леля и продолжает свой рассказ.

В Чалкино купили мы землянку, тятя на конюшне стал работать. Мы в школу пошли. Так и жили. В праздники тятя с мамой песни любили петь. У них так это здорово выходило. Русские песни чередовались с украинскими.

Любил нас всех тятя, хоть с виду и строгий был. Мы все были с детства в его породу, темноволосые, кареглазые, и ты в папку и в деда. А Вера росла светлой, как твоя Иришка, тятя говорил, шутя, в Михаличенко уродилась...

Собираясь всей родней, мы тоже поем песни, вспоминаем дорогих сердцу людей. Горько только, что не сохранились дедовы награды. Его старший сын, мой отец, умер скоропостижно, и мы в горе забыли о священных реликвиях. Они попали в чужие руки.

Проходя по рынку, я иногда вижу, как продают солдатские награды и медали. Горько и стыдно. Вы простите нас, дед...

Но не все в жизни продается. Память не продашь.

Мы гордимся Вами и помним Вас, Солдаты двадцатого века.

В праздник Победы вместе с внуками мы идем в центр родного города, к памятникам защитников Отечества. Очень хочется, чтобы не было войн, не проливалась кровь, чтобы дети и внуки помнили и чтили свои корни.